

Ждать добра

Повесть

Моему отцу, влюбленному в небо

Предисловие

КОГДА Я ВЫРАСТУ, я точно стану летчиком.

О том, что значит быть летчиком, я знал уже в шесть лет. Что может быть лучше? Поднимаешься по отвесной лестнице в жаркий, нагретый на солнце самолет. Трапы — это прихоть для гражданских, у нас их нет. Проходишь в салон, садишься на свое любимое место. Дверь в кабину открыта — летчики проводят последнюю предполетную проверку. Скоро экипаж начнет обмениваться короткими фразами по радио с «землей». «Земля» даст добро и мы вырлим на взлетную полосу, — отсчет пойдет на минуты. Самолет замрет без движения, а потом даст резкий старт: двигатели заревут на полную и мы пойдём на разгон. За окном с сумасшедшей скоростью замелькает бетонка, через несколько секунд — отрыв.

В груди что-то ухнет и на мгновение как будто опустится вниз. Это душа уйдет в пятки и вернется обратно. Я крепче сожму подлокотни-

ки и начну считать высоту, как меня учили: «двадцать, сорок, шестьдесят, сто...». Вскоре мы возьмем нужный эшелон и звук от винтовых двигателей перейдет на две повторяющиеся ноты. Получится такое равномерное «уу-ууу», — оно останется звенеть в ушах даже после полета. Поля и леса за окном сольются в ровные геометрические фигуры.

Я смотрю сквозь толстое стекло иллюминатора, и сердце замирает от восторга: до чего же здорово! Через минуту из кабины покажется отец и позовет меня к себе. Я сяду на его место — место штурмана — прямо за левым летчиком. Отец оденет мне на голову большие наушники и я услышу радиообмен экипажа. Мы поднимемся над облаками и выше нас будет только синее-синее небо. Все, летим!

Но история о том, как на одно лето я стал членом экипажа военно-транспортного самолета, начиналась не так. Если бы не события, которые произошли задолго до того, как я впервые оказался на борту самолета, что-то подобное вряд ли могло произойти.

Меня бы ожидало детство самого обычного мальчишки — с дворовыми играми, велосипедам, может быть, даже воздушным змеем. Но, определенно, в то лето во мне что-то измени-

лось. Мечта сбылась еще до того, как оформиться в моем сознании — я приобщился к небу. И вопрос о выборе профессии отпал сам собой.

В то лето в тайне от остальных я начал причислять себя к команде этих отважных людей в синей форме. А что тужурка не по размеру — не беда. Почти всегда кто-то из экипажа перед взлетом нахлобучивал мне на уши пилотку с круглым значком. Металлическая звездочка, а посередине — российский флаг. Иногда на моей голове оказывалась не синяя, а зеленая — с лавровыми листьями, серпом и молотом. Мне объясняли, что это — старые, такие носили еще до «развала».

Наш бортинженер, самый старший из команды, носил как раз такую. В экипаже я был своим.

Сбор по тревоге

НО, КАК Я УЖЕ ГОВОРИЛ, эта история началась гораздо раньше. Первые перемены застали нашу семью в 91-ом году в Белоруссии, где служил мой отец. Незадолго до этого мы получили трехкомнатную квартиру, мама доучивалась на последнем курсе института и параллельно занималась мной. Родители были рады, что после съемного угла наконец-то удалось обзавестись своим жильем, покупали новую мебель.

О том, что что-то изменилось, мы узнали по радио. В военном городке в каждую квартиру была проведена радиоточка, подключенная к дежурному по полку. Утром и вечером включалось вещание и диктор объявлял распорядок дня и погоду. Утром 21-ого августа прямоком после прогноза погоды диктор запнулся и после паузы добавил: «Для летного состава объявлен сбор по тревоге».

Позже отец рассказывал, что на это сообщение мало кто обратил внимание. Учебные тревоги в военном городке — дело привычное. Даже о самых неожиданных тревогах все знали заранее.

Специально для этого в своем вещании дежурный по полку использовал условное обозначение — «сбор по сигналу». Слово «тревога» никогда не использовалось, так как считалось, что это подразумевает реальные боевые действия. Случалось, что молодые лейтенанты ненароком путали слова и объявляли сбор по тревоге. За это их пороли и, как говорил отец, отправляли чистить туалеты.

В момент того вещания папа завтракал и уже собирался отправиться на службу.

— Опять шалят, — говорит.

Мама сидела рядом и пеленала ребенка. Ребенком был я.

Через минуту в дверь постучали, — запыхавшийся капитан отдал честь и сказал, что внизу уже ждет машина. На самолет вешали боеприпасы, экипаж ждал приказа на вылет.

О том, куда лететь и что делать в такой ситуации никто не знал. «Старики» рассказывали, что похожий случай уже был в 79-ом году: неожиданно подняли боевую тревогу и самолеты с полным боезапасом разлетелись кто в Семипалатинск, кто в Энгельс, а кто и того дальше — Карши, Мары. Советские войска тогда вводили в Афганистан.

Больше всего родители боялись, что война повторится. Что придет конец спокойной жизни и покой, успевший поселиться в нашей квартире, придется разменять на неизвестность. Самые худшие ожидания оправдались, но лишь отчасти. Страна затрещала по швам и в одночасье рухнула, роняя и разбрасывая то, что успела нажить за советские годы. Эта волна прошла по каждому, перевернула каждый дом, всколыхнула каждую семью.

В ту зиму отец впервые применил свои навыки не на учениях, а в боевых действиях. Северная Осетия и Ингушетия начали войну. Фронт авиация обстреливала колонны, а отец со своим экипажем подсвечивал местность осветительными бомбами.

Зубр

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ тех лет очень обрывочны, но один момент врезался в память очень ярко. Зима, снег, мама и я встречаем отца с полетов — дома его не было три дня. В мокрых варежках у меня зажат шнурок от игрушечной машины — на днях мне ее купила мама. Я взял ее с собой, чтобы сразу показать папе, — «смотри какая она красивая!». И вот вдоль дороги, со стороны аэродрома начинают появляться фигуры в летной форме. Я всматриваюсь в каждую и пытаюсь угадать среди них силуэт отца. Несколькими раз порываюсь бежать навстречу, но мама меня останавливает, — это не он. И вот, проводив взглядом два десятка летчиков, вижу: он! Бегу вперед, падаю на полдороги и, не отряхнувшись от снега, бросаюсь к отцу. «Папа!»

Отец поднимает меня над землей. Я легкий, застыл на мгновение выше всех вокруг, — рядом лишь сияющее лицо отца. Он удерживает меня одной рукой, другой обнимает маму. Мы втроем. Рядом.

О новой машине я вспомнил только на следующий день. Кажется, она так и осталась лежать там — где-то под снегом. Тогда мне было 2 года.

Страна развалилась, начали делить имущество. Объявили, что полк, в котором служил отец — российский, хоть он и находился на территории Белоруссии. В одночасье мы оказались за границей, не приложив к этому никаких усилий.

Каждый понедельник начинался с того, что в квартиру стучался замполит и предлагал отцу ответить на некоторые вопросы:

— Кому вы будете присягать?

Отец смотрел на человека в очках с блокнотом в одной руке и тупым карандашом в другой. Впечатления умного человека он почему-то все равно не производил.

— В армии присягу дают только один раз, — говорит отец.

— Выберите из двух вариантов. России или Белоруссии?

— А вы сами что думаете?

— Хорошо, — поставил жирный крестик. — Будете ли вы воевать с Белоруссией в случае возникновения конфликта?

И все в этом духе. Абсурдное безумие, о котором раньше никто и подумать не мог, стало реальностью и постучалось в каждую дверь.

Раз в неделю мы с мамой ходили на почту — звонить бабушке. Бабушку я знал плохо и, кажется, на тот момент видел не больше трех раз. Но все же охотно рассказывал о своих делах. Мама говорила, что все хорошо, мы ни в чем не нуждаемся. Бабушка все время что-то предлагала, но мама отказывалась. В голосе чувствовалась неуверенность. Диалог получался нескладный и, как мне казалось, сводился к перечислению всех наших родственников, — мама называла имена, а бабушка отвечала что-то в ответ. У всех все было более-менее.

На выходе из почты небритый мужчинаковырял отверткой информационную табличку. С трудом оторвав одну букву, попытался уместить на ее место другую — с зазубринами как у расчески. Я попросил маму прочесть. Мама прочитала:

— «ПОШТА».

— Мама, а что это значит?

— То же самое, что почта, сынок.

*Белоруссия, Бобруйский гарнизон.
Покидали Беларусь с тяжелым сердцем*

Новая буква была другого цвета и никак не вмещалась между другими. Слово мне не понравилось.

Через несколько месяцев папа показал мне новые деньги. Бумажки приятно шуршали в руках и пахли краской. Особенно меня впечатлили картинки — это был целый зоопарк. Весь вечер я разучивал животных, звонко повторяя названия: «Белка! Олень! Рысь!». Папа согнул пополам купюру с зайцем и резко расправил — получалось, что заяц бежит. Но больше всего мне не давал покоя зубр. Мама спросила:

— Ты знаешь, кто это?

Я растерялся, но все же ответил:

— Корова.

Родители рассмеялись.

— Нет, сынок, это зубр. Зу-б-р.

Я попытался повторить, но запутался в буквах. Мне показалось неправильным, что корову зовут зубр. Зубр — это что-то клыкастое, как волк, с большими зубами. Мохнатая корова не должна была быть зубром.

Обмен

НО ЗАЙЦЫ И БЕЛКИ в нашей семье скоро закончились, — папе перестали платить. На почте мама сказала бабушке, что, может быть, мы скоро приедем.

На детской площадке чужие мамы все чаще сбивались в кучу и что-то обсуждали. Позже я узнал, что эти самые мамы вышли на аэродром и сорвали все полеты. Тогда из Москвы прилетел самолет с деньгами для их мужей, и мамы на время успокоились. Моей среди них не было, поэтому зайцев в нашей семье не прибавилось.

Мне исполнилось три года, но ситуация только ухудшилась. В этот год полк, в котором служил мой отец, окончательно расформировали, — оставаться в Белоруссии не было никакого смысла. Папа тогда так и сказал:

— Похоже, добра мы здесь не дождемся.

Начали собирать вещи.

Решилось, что отец будет поступать в военно-воздушную академию, которая находится под Москвой в Монино. Недалеко от монинского военного городка до сих пор живут обе мои бабушки, железно-дорожная станция называется Бахчиванджи, — в честь советского летчика-

испытателя. Там познакомились мои родители, там же они заканчивали школу. Получилось, что телефонный разговор моей мамы был в некотором смысле пророческим: мы ехали к бабушке, но не в гости, а как потом выяснилось, на несколько лет. В той самой школе я отучился два года: первый и второй класс.

Перед отъездом из Белоруссии папу все-таки рассчитали — выплатили зарплату сразу за четыре месяца. Четыреста двадцать тысяч в белорусских рублях. Как он тогда сказал, счастье, конечно, но в Москве эти зайцы нафиг никому не нужны. Нужно было менять.

Позже мои родители поняли, что счастья в этой стране за просто так не бывает — всегда есть какой-то подвох. Если судьба посылает тебе какое-то благо, то потом она все же возьмет свое, — с процентом, на который придется горбатиться не один год. К ответному удару нельзя быть готовым, можно лишь жить, ожидая, что вот-вот все может измениться. И чаще всего не в лучшую сторону. С нами так происходило постоянно.

Сотрудница банка так моему отцу и сказала:

— Обменять деньги можно, но только на советские рубли и не больше пятидесяти тысяч.

— А если у меня четыреста двадцать?

— Я вам говорю: обменяйте пятьдесят.

Отец возразил:

— А остальные куда?

— Мужчина, что вы лезете со своими проблемами. Если у вас куры не клюют, идите в горисполком. Пишите заявление.

Дома папа пересказал нам этот диалог. Получилось, что спустя четыре месяца существования на летный продуктовый паек, в нашей семье вдруг перестали клевать куры.

В горисполкоме все было гораздо лояльнее. Отец объяснил проблему, и женщина отнеслась с пониманием. Рассказала целую историю про своего сына, который, как выяснилось, сам служит в Монино. Мир тесен, — выдала справку, попросила передать привет.

С этой справкой в банке отец стоял два дня. Время от времени мы с мамой приходили к нему — принести бутерброды и посмотреть, как продвигается очередь. На утро второго дня выяснилось, что крупные купюры в хранилище закончились.

Люди начали выходить с большими сумками. Заняв место, на ближайшем рынке отец купил два холщовых мешка из-под картошки.

За толстым стеклом, точно в аквариуме, все та же работница изучала печать на справке. Проверив три раза, и, проконсультировавшись у коллег, скривила недовольную мину. И начала выдавать деньги. Сорок две упаковки со свинцовыми пломбами, в каждой десять пачек. В пачке сто купюр по десять рублей. Люди косились.

Из банка мы вышли с мешками, полными денег.

32 килограмма

БИЛЕТОВ НА ПОЕЗД не было на месяц вперед. Все билеты скупали челноки, они-то и вывозили на российские рынки всевозможные сыры, творог, масло. Благо, деньги были, решили лететь налегке самолетом, а остальные вещи — отправить в контейнере отдельно.

Пустой могилевский аэропорт встретил нас фанерными рамками-металлоискателями и сонными грузчиками. Перед входом специально для багажа стояли две замученные парты, найденные, по-видимому, на свалке местной школы. Из нового в этом зале была только полосатая лента, которой обмотали неиспользованный периметр.

Перед лестницей на второй этаж во всю стену висела карта СССР. Мое внимание привлекли старинные весы для взвешивания багажа. Я спросил маму:

— Это для чего?

— Чтобы люди взвешивали свой багаж. Сейчас папа поговорит с тетей, и мы взвесим чемоданы — посмотришь.

Ответ показался мне недостаточным. Я подошел ближе и поставил ногу на край металлической платформы. Длинная рейка с множеством рисочек зашевелилась, звонко ударились тяжелые гири. Я испугался.

Из-за высокого стола-стойки показались толстые очки, перетянутые бельевой резинкой, за ними — страшная женщина. Женщина завопила:

— Уберите ребенка от аппаратуры!

Я ретировался. Из-за маминой спины наблюдал за тем, как очки уплывают обратно за стойку. Больше я ничего не трогал.

При просвечивании багажа зуммер, конечно же, запищал. Свинцовые пломбы дали о себе знать. Сержант покосился на бегущую ленту и обратился к отцу:

— Что у вас в чемоданах?

— Это не чемоданы. Это кошельки.

— В смысле?

— В прямом.

Сержант шутки не оценил:

— Покажите.

Отец откинул защелки и поднял крышку.

В двух чемоданах аккуратно разместились все сорок две упаковки. В третьем были личные вещи и продукты в дорогу. На этот чемодан сержант даже не взглянул. Только сказал:

— Пройдемте.

Комната милиции напоминала подъезд нашего дома: зеленые стены были выкрашены до середины, дальше побелка. Не хватало только окна и батареи. Вместо них был огромный сейф и такой же тучный капитан. Промокнув лоб носовым платком, процедил помощнику:

— Свободен.

Сержант вышел.

— Что везем?

— В основном — деньги, — сказал отец.

Капитан ухмыльнулся:

— Валюту?

— А советские рубли — валюта?

Тот задумался и спокойно ответил:

— Уже валюта. Сколько?

Отец назвал сумму.

— Столько нельзя. Мы вас задержим.

Отец не растерялся:

— А сколько можно?

— Не больше ста пятидесяти тысяч. На человека, — добавил.

— Нас трое. В чемоданах четыреста двадцать. Пересчитаем?

— Покажите, — нахмурился капитан.

Отец открыл чемоданы. Милиционер посмотрел на пачки десятирублевых купюр. Хмыкнул.

— А за третьего кто будет? Он? — указал на меня.

— Ну да.

— Маловат будет. Ну да ладно... Свободны.

Мы уселись в зале ожидания. Через десять минут сержант подошел к нам вновь:

— Пройдемте, — сказал, — с кошельками.

Немногочисленная публика с любопытством наблюдала.

Толстый капитан все так же вертел в руках платок:

— Сержант говорит, что у вас там миллион.

— Откуда миллион, — не выдержал отец. — Давайте пересчитаем!

— Все равно многовато. Откуда столько?

— Не платили долго. Теперь вот перед отъездом рассчитали.

Милиционер задумался.

— Летчик что ли?

— Штурман.

— Ну так бы сразу и сказали. Что я, новостей не смотрю?

Отец утвердительно кивнул:

— Ну да, показывали.

Капитан заметно подобрел.

— Да я сам такой же... Мою часть тоже сформировали, — вот, в милицию пошел. Сижу тут...

Поговорили за жизнь, расстались земляками.

А чемоданы мы все-таки взвесили. Точная аппаратура показала: тридцать два килограмма.

Свой первый перелет на самолете я не запомнил. Кажется, уснул еще в аэропорту там — в Белоруссии, а проснулся тут — в Москве.

Вятка автомат

НА ВЫМУЧЕННЫЕ ДЕНЬГИ мы купили стиральную машину. «Вятка Автомат» — квадратная, как тумба, с пятью режимами стирки — мечта любой домохозяйки.

Обошли все окрестности, пытаясь найти магазин, все еще принимающий советские деньги. В Москве, по большей части, все магазины вдруг оказались частными, возиться с обменом старых рублей никто не хотел.

По иронии судьбы единственным магазином, не отказавшим нам в покупке, оказался татарский, — рядом с щелковской мечетью. Не знаю, может быть, продавцы признали в моем отце своего.

Войдя на порог, и придерживая за собой открытую дверь, по инерции папа спросил:

— Советские принимаете?

— Принимаем, а что же! — отозвалась продавщица.

Отец явно не ожидал такого ответа, удивился:

— Точно принимаете?

— Ну точно, точно.

— Тогда ждите, скоро приедем с деньгами.

Уже через час отец выкладывал из чемодана десятирублевки, а я пытался соорудить из них

на прилавке пирамиду. Получалось как-то криво — я не дотягивался. Обалдевшая продавщица наблюдала за моим творчеством:

— Это ж куда мне столько?

— У нас еще мелочью есть, — пошутил отец. — Но мы решили вас пощадить.

Женщина развела руками:

— Ну что... Считать будем, — потом открыла дверь в подсобку и крикнула куда-то в глубину, — Зин, Зин! Закрывай магазин!

Как на картинке

СЛЕДУЮЩИЕ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ мы провели в Подмосковье в Монино, — отец учился в летной академии. Сначала жили у бабушки, потом стали снимать квартиру. На съем уходила половина папиной зарплаты.

Через какое-то время нам дали «свою» — служебную. Родители были безумно рады. На двадцати квадратных метрах разместился весь наш семейный уют. Для мебели, привезенной из Белоруссии, угла, конечно же, не нашлось. Большая часть вещей так и осталась лежать не распакованной в кладовке. Так и жили.

Но, как было однажды сказано, счастье в неведении. Годы, проведенные в той маленькой квартирке, запомнились мне как самые счастливые. То были годы моего детства.

Отец очень часто улетал в командировки. Бывало, на несколько недель сразу. За эти дни помимо зарплаты ему полагались командировочные.

Мама воплотила в жизнь свою давнюю задумку — начала шить. Получалось у нее очень хорошо. Идеи черпала в журналах, потом делала выкройки и садилась за швейную машинку. В такие дни вся кухня была завалена лоскутками и калькой с карандашными рисунками. Я без конца крутил видеомэгаффон и жаловался, что из-за швейной машинки мне ничего не слышно.

Встречать папу после особо длинных командировок она всегда ходила в новых платьях.

На ее труды все чаще начали обращать внимание. Наши знакомые и родственники спрашивали: где купила, во сколько обошлось. Мама скромно отвечала, что «сделала сама». По началу не верили. Потом появились первые заказы.

Поняв, что на увлечении можно заработать, мама пошла в местное ателье — устраиваться на

работу. Поросилась модельером-закройщиком. Хозяйка лишь усмехнулась:

— Модельером? Это где ж вы такое слышали? Модельером... Нам швеи нужны!

Мама тогда ничего не ответила, просто ушла. Всю ночь она резала бумагу и что-то писала.

На следующий день мы с мамой пошли гулять. Я был безумно рад — раньше мама была все время занята. К тому же мне было поручено ответственное задание — мазать бумагу клеем. Я облизывал засохший клей-карандаш и с энтузиазмом водил по бумаге. Мама расклеивала объявления.

Теперь гулять мы ходили каждый вечер.

Клиентов не было долго. Судя по нашим вечерним прогулкам, объявления срывали регулярно и, чаще всего, целиком. Иногда просто на просто залепляли другими — более свежими. Поэтому каждый раз мы выходили со все более толстой пачкой бумаги. Клей-карандаш в итоге заменили на «ПВА» — он лучше держался и помощи с моей стороны не требовал.

Потом в квартиру начали стучаться какие-то бабки, — перешить юбку, подшить брюки. Сначала мама бралась, но потом начала говорить прямо, мол, вы ошиблись. Денег с таких заказов было, как с гулькин нос.

Но через месяц-два дело наладилось. Телефона у нас в квартире не было, поэтому всех желающих приходилось встречать лично.

Приходили женщины, дамы, девушки — все, как одна, приносили с собой модные журналы и просили «сделать так же, как на картинке». Мама делала. А я помогал, — встречал клиентов в прихожей и просил их немного подождать. Иногда предлагал им полистать «Бурду».

По большей части, все они были женами и дочерьми папиных сослуживцев. Военный городок был мал, и сарафанное радио сработало отлично.

Как-то раз в квартире раздался звонок — за дверью стояла хозяйка ателье.

Посмотрев на маму, небрежно кинула:

— Это вы тут модельер-закройщик? У нас там место освободилось... Как раз для вас.

Но диалог в очередной раз не получился.

Мама открыла дверь шире и отошла в сторону, за ее спиной открылся вид на нашу кухню. Кухня была завалена выкройками. Рядом с холодильником стоял манекен, утыканный игло-

ками. На нем — частично сделанное платье. Женщина все поняла.

Молча кивнула и ушла.

Секретный объект

ТАК ПРОШЛО несколько лет. У папы близился выпуск из академии. Еще до выпуска, в перерывах между командировками, он успел поработать на «секретном объекте». На «объект» папа уходил всегда в ночь.

Сгорая от интереса, однажды я упрямил его взять меня с собой. Далеко идти не пришлось.

На рынке, куда меня обычно отправляли за картошкой или хлебом, стояла синяя палатка. В палатке продавали водку и пиво. Папа подошел и поздоровался с продавщицей:

— Сегодня я с помощником.

Та посмотрела на меня и улыбнулась.

— Ну что, помощники, принимайте стратегический объект!

Отец вытащил железные ставни и начал закрывать ими окна. Продавщица ушла.

Ночь мы провели в этой палатке — сидели на одноместной койке, сооруженной из фанерных ящиков. На ящики положили дверь и развернули матрас. Читали книги. Папа готовился к экзаменам и штудировал «Руководство по воздушной навигации», я — комикс про Человека-паука. Когда мне стало скучно, я попросил отца почитать мне свою книгу. Но, не прослушав и пяти минут, уснул.

Утром меня разбудил металлический звук — отец открывал витрины. Сдав «объект» обратно продавщице, получил на руки сорок рублей. Деньги мы потратили тут же на рынке — в продуктовых рядах.

Отец довел меня до дома и, надев офицерскую форму, сразу ушел в академию.

Я же улегся досыпать.

Ничего

ПОМНЮ, ЭТА КВАРТИРА долго меня не отпускала. Через много лет, когда я был студентом первого курса и постигал основы арабского языка, дом, где я провел свое детство, начал меня сильно тянуть. Но обычное желание — навеститься в старые места — приняло необычный оборот. Квартира мне приснилась, притом довольно странным образом.

Во сне, как бы ни пытался, я не мог в нее по-пасть.

В ту пору я был влюблен в одну девушку — Стасю. Стася была старше и всегда носила на шее яркий платок. В целом, это был как раз тот типаж, перед которым я никогда не мог устоять. Во мне же ей нравилась апатичная задумчивость, которая, бывало, накатывала на меня без всякого повода. Эту задумчивость Стася ошибочно принимала за серьезность.

При первом удобном случае я рассказал Стасе про квартиру моего детства. Не забыл упомянуть и про сон. Склонная от рождения к авантюрам, она тут же сказала: «Нужно ехать!».

Вскоре мы уже тряслись в пригородной электричке. Это была наша первая совместная прогулка.

Мы сидели напротив друг друга и смотрели в окно. За окном проплывали какие-то заводы, потом пошли гаражи. После гаражей — огорды. Разговор не клеился.

Я был полностью погружен в воспоминания — в детстве мне приходилось часто ездить в этом направлении. Даже первые два класса я ездил в школу на электричке. Сначала с бабушкой, потом — один.

Почти все станции на пути были названы в честь летчиков: Гагаринская, Чкаловская, Бахчиванджи...

Когда электричка подкатила к Чкаловской я сказал:

— Здесь есть военный аэродром. Когда мне было шесть, я улетел с него в Рязань. А потом все лето мотался с отцом по разным помойкам. Где только не был...

— Почему помойкам? — спросила она.

— Ну, мы так называли военные гарнизоны... Иначе трудно сказать.

Стася задумалась.

Про свое прошлое я рассказывал мало — после поступления в РГГУ, отчасти, начал его стыдиться. В жизни моих однокурсников сначала были юношеские оздоровительные лагеря, потом — Кипр, Монте-Карло, Малибу. В моей жизни были Канск, Чита, Серышево.

Когда разговор касался путешествий, я говорил просто, — что много летал. Точнее, пятьдесят четыре раза. Это всегда производило впечатление. В детстве каждый вылет с отцом был для меня на вес золота. Ошибиться я не мог. Из этого числа всего раз пять на гражданских самолетах.

На станции в вагон вошло четверо мужчин, — в камуфляже и кожаных шевретках. Я улыбнулся. Стася поймала мой взгляд, вопросительно посмотрела.

— Летчики, — говорю.

— Почему?

— Куртки у них летные.

Моей реакции она не поняла.

В пятнадцать у меня была такая. Но обошелся я с ней не очень хорошо — проделал на плече десяток дырок и вставил металлические шипы. Тогда я слушал «Наутилус» и прочий русский рок. Шипы мне были просто необходимы. Вот только папа после этого со мной долго не разговаривал.

В Монино воспоминания хлынули еще сильнее. Вроде бы все было прежним: коробки-девятитэажки вдоль железной дороги, рынок, пропускной пункт при входе в городок... Но раньше мне все это казалось совсем другим. Дома — выше, дороги — шире, цвета — ярче. Вернувшись спустя двенадцать лет, я понял, что это — самый заурядный поселок. Один из сотен таких же, разбросанных по всей стране. Таких одноликих военных городков в моей жизни было еще много.

Пока мы шли к дому, Стася меня разговорила. Я начал рассказывать о своем детстве.

Около дома была детская площадка. Разбитые качели и деревянный теремок с содранной крышей. Пока мама шила заказы, здесь я играл.

Моего первого друга детства звали Вадим. Из всей детворы он выделялся тем, что единственный носил очки. Помимо очков на его руке красовались большие часы. Познакомились мы с ним довольно забавно, — я подошел первый и спросил, кем работает его папа. Мальчик ответил:

— Инженером.

— Кем? — переспросил я.

— Ин-же-не-ром.

Ответ показался мне странным. Папы всех остальных детей были летчиками, иногда — техниками. В военном городке дети знакомились именно так.

Я решил уточнить:

— Летчиком-инженером?

— Нет, инженером. На заводе.

Может быть, этим он меня тогда и заинтересовал. Его отец каждый вечер был дома и, как выяснилось, в командировки не летал.

Потом я узнал, что мальчику тоже пять и живет он в этом же доме на втором этаже.

Соборная площадь в Рязани, Успенский Собор.

Фотография, сделанная в преддверии больших приключений. В некотором смысле она оказалась пророческой, — спустя три года я окажусь вновь на этом месте, но уже в качестве ученика лицея на Соборной площади

На другой день я решил за ним зайти. Позвонил в квартиру. Но, стоя перед дверью, вдруг понял, что забыл узнать у нового друга имя. Дверь открыла, по-видимому, его мама:

— Да?

Я стоял в растерянности, не зная, что сказать. Но женщина меня спасла:

— Ты, наверное, к Вадиму?

Я кивнул.

— Вадим сейчас занят, он читает. Ему еще долго...

— А когда он выйдет?

— Он сегодня не выйдет, он уже гулял. Приходи завтра.

Дверь передо мной закрылась.

После этого случая я окончательно убедился, что родители у Вадима — люди странные.

Гулять они его отпускали только утром и на три часа. Тем не менее, сдружились мы крепко.

Сидя на лавочке перед подъездом, я рассказывал эти истории своей подруге. Та молчала. Потом вдруг замер. Понял, между нашим прошлым — ее и моим — огромная пропасть.

Вряд ли человек с обычным московским детством, со всеми детскими садами и творческими кружками сможет понять мою странную любовь к заурядному — к летной форме, военным городкам и пригородным электричкам.

Но ошибка была не в ней, — во мне. За годы нашего общения я научился, может быть, самому бесполезному навыку — прятать себя за маской ложного, создавать впечатление того, кем, по сути, никогда не являлся.

Немного погодя, решили подняться на последний этаж — к квартире. В моем сне я никак не мог к ней подойти — то не работал лифт, то отсутствовала лестница в пролете. Но сейчас все было на месте. Опустился лифт, с грохотом открылись двери. Я надавил изгаженную кнопку, — тронулись. В лифте воцарилось.

Было видно, что на девятом этаже когда-то был пожар. Стены в следах от гари, побелка закоптилась. От лестничной клетки в бок уходило два длинных коридора — в каждом по десять квартир. В восьмидесятые в доме было общежитие, а после «развала» — квартиры в нем начали давать летному составу.

Наша — самая последняя в левом коридоре. Дальше лестничной площадки мы так и не пошли, — я отказался.

На обратном пути Стася меня спросила:

— Ты доволен?

Я не знал, чем тут можно быть довольным.

Сказал:

— Поездкой — да. А так, в целом — нет.

На душе оставался висеть какой-то камень.

В электричке, по дороге в Москву, я рассказал ей о том, с чем мог быть связан мой сон.

В девяносто девятом нашу квартиру обокрали. Дома нас не было всего неделю, — мы отдыхали на море. За какую-то ночь вынесли все. Включая мебель, одежду, посуду... Забрали даже детские игрушки. А чтобы соседи не сразу обнаружили кражу, в дверь вставили новый замок.

Этот эпизод я запомнил очень хорошо.

Отец выбивает плечом дверь, а за дверью — ничего. Отец стучится ко всем соседям, а они... Ничего.

Сын полка

НО ТОГДА — в девяносто шестом — все было иначе. Самое яркое время моего детства было только впереди.

После выпуска из академии отец временно служил в Канске, — к нам с мамой он приезжал не часто. В тот год он получил должность штурмана эскадрильи и мог летать, фактически, с любым экипажем. Так и мотался по всем гарнизоном с проверками. Деньги папа высылал нам по почте.

Как-то раз, когда мы его не ждали, он все-таки вырвался — прилетел. Должен был уле-

тать из Рязани в Канск, но вылет, как это часто бывало, задержали, — диспетчеры не давали добро.

Экипаж был в полной готовности, двигатели запущены. И тут — отбой на два дня. На другом конце взлетной полосы стоял Ан-12, — готовился к взлету. Отец попросил командира связаться с их бортом — узнать, куда летят.

— Говорят, на Чкаловскую, — ответил командир.

— Скажи, пусть рампу откроют, я запрыгну.

Тот передал сообщение.

Через несколько минут отец увидел, как тяжелый транспортник опускает грузовую рампу. В этот же вечер папа был дома.

После того, как эмоции от встречи поутихли, мама рассказала последнюю новость — ей предложили работать на «Шелчке». Подруга торговала там обувью и вовремя подсказала, — есть вакантное место: два через два, с восьмью до двадцати двух. Мама почти что согласилась, но была загвоздка — оставлять дома меня одного ей не хотелось.

Папа вызвался моментально, сказал:

— Мальчугана я тогда возьму с собой.

Мама удивилась:

— Как? Ты ж там тоже на месте не сидишь...

Может, лучше к родителям...?

Оставлять меня у бабушки папа отказался:

— Нет, пусть уж лучше полетает. Будет у нас сыном полка.

Потом, конечно, мама пожалела. Сильно за меня волновалась, — и при любой возможности звонила. Накормлен ли, одет ли, доволен ли...

Тогда я был доволен всем.

Ждать добра

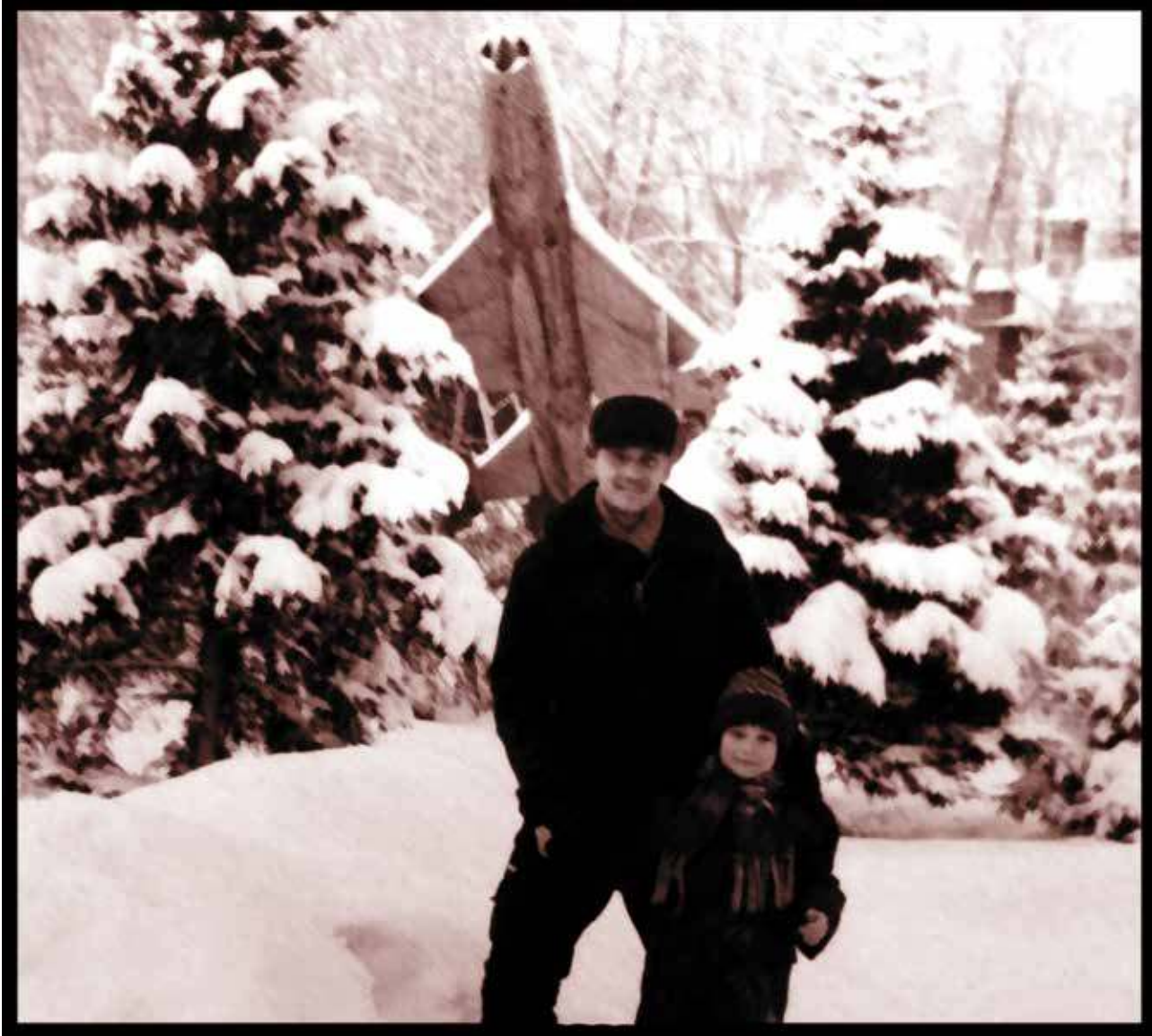
ОКАЗАВШИСЬ В РЯЗАНИ, отец первым делом повел меня в летнюю столовую — набираться сил. Как он говорил, летчик дальней авиации всегда должен быть сыт. Столовая мне понравилась, кормили там действительно вкусно. Женщина в чепце и с поварешкой мне улыбнулась, спросила отца:

— Юный летчик?

— Да, юный штурман, — сказал папа.

— Ну что, юный штурман, — сказала она мне, — летчикам положено все съесть!

В этом я старался, — съел почти все. Вот только первое как всегда не доел.

Канский авиагородок, памятник летчикам недалеко от штаба полка.

В дверь как-то постучали. На пороге стояла заведующая общежитием.

— Это не ваш там мальчик норы в снегу роет?

— Наш.

— Он что, снега не видел?

Там же я познакомился с экипажем: двое летчиков, радист и бортиженер. Штурманом в экипаже был мой отец. Я — запасным.

В этот же день я четко уяснил, что значит «ждать добра». Ведь, как потом оказалось, добра летчики ждали постоянно, — это было почти что частью профессии. «Добро» — это когда самолет заправлен и готов к взлету. Когда путь свободен и открыт небесный коридор, когда ничего не мешает двигаться дальше...

Но «добра» на перелет нам почему-то не дали. Освободилось несколько часов, и мы по-

ехали смотреть город. Тогда я впервые увидел рязанский кремль — лучшего места в городе отец просто не знал. Для мамы было сделано несколько отчетных фотографий.

На фото — я, счастливый, на заднем плане — Успенский собор. На другом снимке позади меня Соборная площадь. С краю из-за деревьев выглядывает ярко выкрашенное здание. Это «Лицей №4», — в нем мне предстоит отучиться целых семь лет. Но тогда, конечно, об этом никто не знал.

Вечером мы все же взлетели, — «земля» дала «добро». Тогда я впервые увидел наш само-

лет — Ан-24 с порядковым номером 02. Серебристая игрушка ждала на специальной стоянке, недалеко от взлетной полосы. Экипаж расселся по местам, запустили двигатели. Я сидел в салоне и наблюдал, как раскручиваются пропеллеры. Щелчок, — и винт закрутился, потом — протяжный звук. Через пару секунд винта уже не видно — так быстро он вращается. Взлетели.

Тоже пассажир

ПОСЛЕ ТОГО, КАК САМОЛЕТ набрал нужную высоту, папа вышел ко мне в салон, сел рядом. Показывал реки, деревни, давал названия. Я искренне удивлялся, откуда он все это знает.

— Настоящий штурман может летать с закрытыми глазами, — сказал он.

Я молча слушал, и восхищенно смотрел вниз. Внизу проплывала страна.

Но летели мы вовсе не в Канск. Как мне потом рассказали, лететь напрямую в Канск наш самолет не мог — ему бы не хватило топлива. Поэтому была намечена посадка в Орске. После Орска — в Новосибирске.

В Орске «добра» нам, конечно, сразу не дали. Самолет долго не хотели заправлять, а потом, и того — дали отбой до следующего дня.

Заночевали мы в солдатской казарме, на панцирных койках. Койки постоянно скрипели, — в комнате их было восемь штук. Кто-то храпел. Я же просто ворочался. После домашней постели было непривычно, — флисовое одеяло постоянно кололось. Потом понял, если не ворочаться, уснуть все-таки можно.

На следующий день численность команды заметно возросла. К самолету подтягивались люди в гражданском — с сумками, с детьми. Я спросил отца:

— Они все полетят с нами?

Отец кивнул.

— А они — куда?

— Кому-то в Новосибирск, кто-то полетит с нами до Канска.

Таких попутчиков мы потом называли просто — пассажиры. Как шутили летчики, если двое военных, разговаривая около получаса, не нашли общих знакомых, то один из них — явно шпион.

Семьи военных постоянно кочевали из гарнизона в гарнизон, кто-то — в гости к знако-

мым, кто-то — на новое место службы. Экипаж всегда старался помочь, подвезти. Среди своих так было принято. Без пассажиров мы летали редко.

Там же — в Орске, около взлетной полосы я нашел ежа. Колючее существо вылезло из травы прямо на меня и, не подав виду, потопало по бетонке — к нашему самолету. Увидев ежика, радист сказал:

— Тоже пассажир.

Этого пассажира мы посадили в коробку и взяли с собой. Высадили в Новосибирске.

Так ежик, выйдя из своей норки в одном городе — на Урале, очутился в другом — в Сибири.

У него, я думаю, на этот счет тоже была своя история.

Не пойду

В КАНСКЕ Я НАЧАЛ жить с отцом в военном общежитии.

Военный городок, в котором мы жили, называли «колчаковским гарнизоном», — построен он был еще в 1913 году.

Двухэтажный кирпичный дом — наше общежитие — раньше было казармой. На первом этаже когда-то была конюшня, на втором — спальные помещения. В советские годы все, конечно, переделали. Оба этажа получились с большими коридорами, а по бокам — комнатухи. Большие комнаты поделили вдвое. Стены вышли тонкие, почти картонные, — за каждой своя жизнь, свои звуки. Людей в общежитии было много, но все, по сути, — одна большая военная семья.

Заведующая общежитием отнеслась ко мне со всей теплотой. Не поленилась, провела целую экскурсию. Потом спрашивала отца, не нужно ли нам второго одеяла — потеплее.

Рядом с общагой были и другие дома — приземистые, но добротные, сделанные на века. На следующий день, когда отец ушел на службу, женщина мне все показала:

— Вот здесь дома офицерского состава. Раньше были рассчитаны на четыре квартиры. Сейчас в каждом живет по восемь семей.

Я шел рядом и при любом удобном случае кивал, — хотел показаться вежливым. Застенчивость домашнего ребенка на тот момент я еще не преодолел.

— Вот тут — учебные корпуса. Здесь и работает твой отец. Видишь? Совсем недалеко.

В гарнизоне «Серьшево»: мой компаньон Сашка, отец и я

Я кивнул.

— В советские годы тут были штабы разных частей. Даже надписи остались.

Я кивнул.

— Что ты все киваешь? Читать умеешь?

Я кивнул.

— Прочти, что здесь написано.

Я прочитал:

— «Смерть фашистским захватчикам», — получилось у меня как-то вяло.

— А вот тут что?

— «За нашу советскую родину», — прочитал я. Последнее слово проглотил, вышло что-то совсем невнятное.

— Знаешь, зачем тут это написали?

Я отрицательно покачал головой.

Спросив, сколько мне лет, женщина успокоилась:

— Ну, — сказала она, — для твоего возраста сойдет. Пойдем, отведу тебя домой. — Потянула меня за руку.

После всех этих расспросов заведующая нравиться мне перестала. Я покосился в сторону, где, как она говорила, были учебные корпуса. Пересилив себя, спросил:

— А когда вернется мой папа?

Вечером, когда отец вернулся домой, женщина к нам постучалась. Завидев ее из-за приоткрытой двери, я поспешил изобразить серьезную занятость. Так как под руку ничего не подвернулось, увлекся своими ногтями, — начал их грызть.

— Надо бы вашего мальчика в детский садик определить, — сказала она отцу. — Чтобы дома не сидел.

Отец с ней согласился.

Я же воспринял это, как в высшей степени предательство.

На следующий день мы пошли в садик — договариваться обо мне. Идею эту я сразу воспринял скептически, сказал папе:

— Не пойду.

Отец же был настроен прямо противоположно:

— Ты хотя бы посмотри. Там же дети. Будешь играть. Чего тебе дома-то сидеть?

По правде, дома мне всегда нравилось играть больше. Но правильно аргументировать свои взгляды я тогда не умел.

В садике нас сразу же встретила воспитательница, расплылась в улыбке:

— А мне про вас уже звонили... Это ведь у вас мальчик неразговорчивый?

Я тут же вспомнил заведующую общежитием. Моя нелюбовь к ней только усилилась.

Отец вкратце объяснил ситуацию:

— Ну, в общем, что вам рассказывать... Сами все понимаете: целый день на работе, а мальчуган вот дома скучает.

Дома я вовсе не скучал, а, в меру своего возраста, был занят делом. Но вмешаться в разговор мне не позволяло воспитание. Мама всегда говорила: «Отвлекать взрослых, когда они говорят, — не-веж-ли-во».

— Что же вы так, нужно было сразу его к нам. — Женщина все так же добродушно улыбалась.

О том, что значит такая улыбка, я знал уже тогда.

Позже, в начальных классах, у меня была такая же учительница, — одинокая женщина в годах. В квартире у таких, непременно, есть маленькая собачка. Или даже две. На родительских собраниях эта учительница строила из себя ангелочка. А потом, после диктанта, швыряла в детей тетрадками. Я рассказывал об этом, но мне никто не верил. Родителей всегда больше интересовала тройка в дневнике, чем неумелые доводы о садистке-учительнице.

Однако такой пронизательностью мой папа не обладал. Воспитательнице он пообещал:

— Хорошо, завтра утром мы к вам придем.

Я же все это время наблюдал за «другими» детьми. Пока отец разговаривал с женщиной, те молча сидели на ковре, олицетворяя при этом вершину геометрической пропорции — идеально подогнанный круг. Рядом, точно по линейке, в ряд стояли игрушки.

Мое детское нутро чуяло неладное.

Утром следующего дня, как и было запланировано, я устроил скандал. Сначала изображал, что крепко сплю. Когда притворство стало явным, незаметно спрятал ботинок. Делал вид, что

ищу. Но ботинок быстро нашелся, — не без помощи отца.

Пришлось пустить слезы.

После долгих уговоров папа уступил.

Закуска

ТАК МЫ И ЖИЛИ: утром отец уходил на работу, а я оставался дома. Во что-то играл, иногда даже что-то читал. Время от времени выбирался на улицу, погулять по городку. На обед и ужин сам приходил к летной столовой, там меня встречал папа. Кушали мы всегда вместе.

В столовой тогда было не протолкнуться. Со всего городка приходили офицерские жены, дети, — в ту пору зарплату военным почти не платили.

Папа говорил, что у летчиков так было не всегда. Раньше летчики всегда были всем обеспечены: зарплаты — большие, квартиры — большие, — никто ни на что не жаловался. Это только сейчас — мы никому не нужны.

Благо, командир полка оказался хорошим, — договорился со столовой, чтобы члены семей могли там питаться. Получалось, что я был при папе, поэтому кушал всегда хорошо.

Но, как я понял потом, еды хватало не всем.

Как-то раз вечером, когда я встречал отца около одного из корпусов, на голову мне чуть не свалился голубь, — упал всего в двух шагах. Помню, зрелище меня сильно испугало. Я стоял рядом и смотрел, как птица бьет о землю крылом. Через минуту за ней выбежал парень, — с виду серьезный, в кители, — поднял птицу и куда-то унес.

О случившемся я сразу рассказал отцу.

На мой вопрос папа ответил тогда просто:

— Наверное, понес хоронить.

Через много лет, вспоминая те события, отец рассказал мне больше.

Рядом с нашим общежитием было еще одно — жили там курсанты-летчики с Тамбовского училища. Питались они, конечно, в столовой, но вот с деньгами у них была полная беда. Как это бывает, иногда курсантам нужно было выпить. И, как это бывает, спирт они находили всегда. Но вот с закуской — были проблемы. Вот и лазили по крышам, били голубей. Их, конечно, гоняли за это... Но, как сказал отец, без особого энтузиазма.

На мое удивление, как и тогда, папа ответил просто. Он пошутил:

— Вы не любите голубей? Вы просто не умеете их готовить!

Ну возьми

ДОЛГО СКУЧАТЬ в Канске мне не пришлось, — вскоре папе предложили командировку.

Командир экипажа Слава так тогда и сказал: — Серега, горит командировка. Но есть сомнения... — ты ведь с мальчиком... Полетишь?

Отец не раздумывая согласился:

— Да мальчик — не вопрос. Ему ведь только в радость!

На том и решили. Начали собирать вещи в дорогу.

В назначенный час самолет, конечно, не улетел. Была попытка взлететь, но в самый последний момент «добро» отменили. Посидели в салоне, потом разошлись. «Пассажиры» свои сумки так и не выгрузили, — оставили на борту до следующего раза.

Зато на следующий день у меня появился компаньон. Подходя к самолету, сразу его заметил, — парень крутился у переднего шасси. «Пассажир» — подумал я. Но оказалось, что нет.

Мальчишка был сыном командира экипажа — всего на год младше меня. И тоже Саша.

Отец тогда удивился больше меня:

— Слава, это твой что ли там?

Командир улыбнулся:

— Мой!

— А чего? У тебя-то какие проблемы?

— Да никаких... Пришел вчера домой, рассказал про тебя, что ты с пацаном летаешь... Спросил у жены: «Можно я тоже возьму?». Та и ответила: «Ну возьми».

Так, насажав в самолет детей, наши отцы-одиночки начали вырубать на взлетную полосу. А летели мы на этот раз через Байкал — в военный гарнизон «Серышево».

Во время перелета отец показывал нам это озеро, называл какие-то цифры: длину, ширину... Но всей торжественности события до нас с Сашкой тогда не дошло.

Бичи

ОБЩЕЖИТИЕ В СЕРЫШЕВО я запомнил хорошо.

Поселили нас тогда в левом крыле — в комнате на 8 человек. Правое же крыло предназначалось для персон более важных и чаще всего оно пустовало. Комнаты там были поменьше: двухместные и трехместные. Плюс ко всему, в этом крыле имелся душ. Нас туда пускали раз в три дня. Как говорил отец, чтобы не завшивели.

На второй этаж подниматься нам не советовали — ремонта там не было вообще. Облезлые стены, кругом подтеки от воды. Но жильцы там все-таки были — те, кто из «постоянных».

Первое, что меня удивило — в туалетах не было смыва. Вопрос о том, «куда же все уходит», мучил нас с Сашкой постоянно.

На третий день мы все-таки вычислили, — к туалету была приставлена особая должность. Должность называлась «мойдодыр» и полагалась она для солдат из соседнего корпуса. Приблизительно раз в час ответственный человек приходил с большим ведром и устранял причину нашего недоумения.

Второе наше впечатление — это бичи.

Бичи всегда дежурили у столовой. Аккурат после обеда, ко входу начинали стягиваться дети: от пяти до пятнадцати лет. Все, как один, — оборванные, грязные, — повторяли одну и ту же фразу: «Дяденька, дай хлебушка». Хулиганье невероятное. На них было больно смотреть.

Впервые увидев такое, я спросил отца:

— Папа, у них что, родителей нету?

Родители у детей имелись.

Просто деревня, соседствующая с аэродромом, считалась «мертвой». Как мне рассказали, совсем не потому, что там никто не жил. Люди там как раз таки были. Просто работы не было, денег не платили даже офицерам, а потому обитатели этой деревни просто пили.

Столовая в Серышево оказалась небогатой, почти все продукты, положенные летчикам: сыр, творог, молоко, заменяли на масло. Вместо творога — масло, вместо сметаны — масло... Бывало, — садишься за стол, а тебе дают пачку этого масла — все, иди. На завтра опять — получите ваше масло.

Мы намазывали себе, сколько было нужно, а остальное выносили бичам. Так и жили.

Отец тогда наматывал круги над аэродромом — обучал местных летчиков летать. На полеты стратегических кораблей у государства не было топлива, а мы на своих маленьких Ан-24 не давали им забыть «запах неба». Папа говорил, что мы летаем для того, чтобы местные летчики — экипажи «медведей» — могли «поддерживать штаны». Мне тогда это не понятно

было. Но потом я понял, что благодаря той работе многие летчики и штурманы остались в авиации, что этим людям в кожаных куртках и мешковатых комбинезонах гораздо проще пережить безденежье, чем отсутствие неба. Вот такие вот романтики — большие дяди с детской душой.

Я же, когда летать мне надоело, оставался в общежитии — «дежурить».

Помню, как-то раз довелось мне познакомиться с бичами поближе. На тот момент я был простужен — мучился с горлом, на полеты не пошел. Уходя, папа оставил мне термос с горячим чаем, мол, сиди дома, пей каждый час.

Как послушный ребенок, я пил. Но сидеть в четырех стенах мне быстро надоело, — я решил выйти на улицу и опробовать новую рогатку. Делал я ее всю ночь.

Термос положил в сумку из-под противогаза и взял с собой, — если папа вдруг вернется, увидит, что я с термосом, и ругаться не будет.

Сидя у дороги — в ста метрах от общежития, я пулял камешками в бетонный забор.

Потом вдруг увидел: идут трое. Рогатку я на всякий случай убрал.

Подошли ко мне, разглядывают. Тот, что постарше, — бритый, со ссадиной на виске, вышел вперед.

— Ты кто? — говорит.

Я растерялся, не знаю, что ответить.

— Здесь что ли живешь? — бритый махнул в сторону общаги.

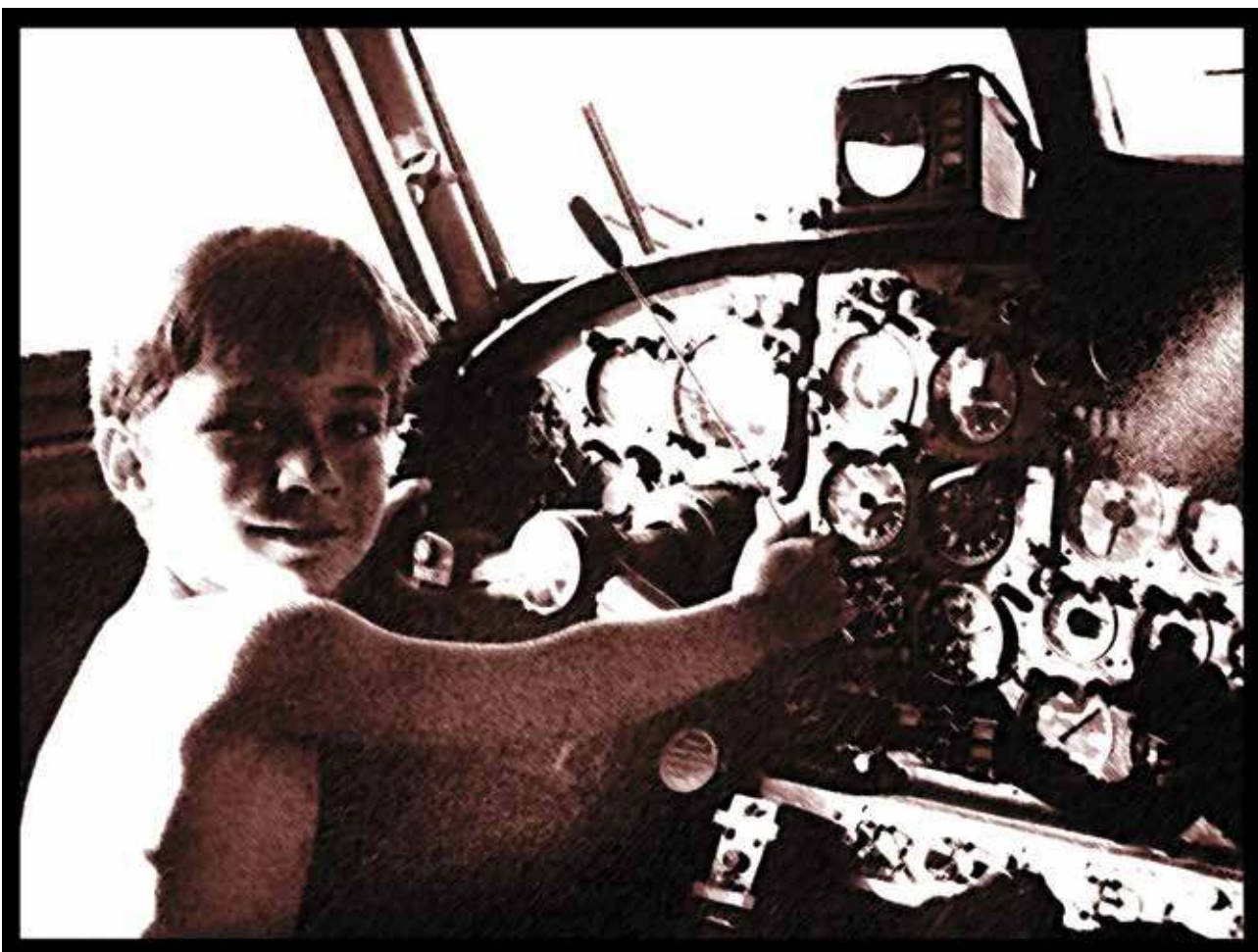
Я кивнул. Очень захотелось домой. Но сдвинуться с места почему-то не мог.

Бритый ткнул соседа в бок:

— Дай.

Мальчишка — явно младше меня — закопался в кармане. Без желания вынул синего солдата. Протянул мне.

— Хочешь? — спросил бритый. — Американский! — Последнее слово он многозначительно растянул.

За штурвалом.

Когда экипаж уходил к диспетчеру за «добром» на вылет, в самолете меня оставляли за главного. В такие моменты я представлял себя командиром экипажа

Солдатик был мне вовсе не нужен. Мне было нужно домой.

Бритый ткнул мелкого еще раз. Тот недовольно покосился, но все же вытащил из другого кармана самолетик.

— Давай меняться.

Даже при таком раскладе меняться я не хотел. Игрушек у меня с собой не было. Но тот все же покосился на сумку:

— Что у тебя там?

— Рогатка, — говорю.

— А еще что?

— Термос.

— А в термосе?

— Чай.

— Давай сюда.

Я оглянулся. Бежать до общаги было далеко. Да и ноги у бритого были явно длиннее моих, — на полпути он наверняка бы меня настиг. Поэтому я поступил единственным разумным, как мне казалось, способом — начал молча пятиться.

Сумку у меня тогда все же отобрали. Преодолев несколько шагов задним ходом, я оступися о бордюру. Убегая, бритый кинул в мою сторону злополучного солдатика.

Наверное, для того, чтобы обмен все-таки состоялся.

Билыч

ЗА ПОТЕРЮ МНЕ ПОТОМ, конечно, досталось. Но злился на меня папа не долго. Перед сном он нашелся, чем меня обрадовать:

— Завтра познакомлю тебя кое с кем. Будете теперь вместе играть.

Я удивился:

— С кем это?

— Завтра узнаешь.

— Ну пап...

— Спи, говорю.

— Ну имя хоть скажи!

Отец на мгновение задумался.

— Зовут его... Билыч. Как-то так.

— Как?? — переспросил я.

— Билыч! Спи!

Но уснуть я теперь не мог. Мое воображение усиленно рисовало Билыча. На ум почему-то сразу пришел лабрадор, — большой такой пес. В том, что Билыч — именно лабрадор, я был полностью уверен.

О собаке на тот момент я мечтал уже давно. Но заводить больших животных родители мне

не разрешали, — переезжать с место не место с ними неудобно. Когда мы жили в Момино, у меня был котенок. Звали его Рыжик, — прожил он у нас всего месяц.

Как-то, вернувшись из командировки домой, отец повез меня на птичий рынок — посмотреть зверюшек. Помню, рынок меня впечатлил. Уже на входе в несколько рядов стояли люди и продавали всякую живность: кур, цыплят, петухов... А чуть дальше — в павильонах — животные поинтереснее. Уходить оттуда совсем не хотелось. По дороге домой каким-то чудом я все же уговорил отца взять котенка. Купили мы его у старушки за сущий бесценник — пятнадцать рублей. Я выбрал рыженького, — самого красивого.

По-хорошему, конечно, вот так вот подобрали, неизвестно с какой помойки кота, нужно было сразу везти к ветеринару. Но когда котенок заболел, врач лишь развел руками.

Следующим животным у меня был джунгарский хомяк. Проблем с переездами у родителей он не вызывал. По ночам грызун, не ведая усталости, куда-то бежал, — крутил колесо. Отец говорил, что бежит он на свою родину — в страну Джунгарию.

На следующий день я не находил себе места — предвкушал знакомство с собакой. В обеденный перерыв отец пришел ко мне с лейтенантом. Видел я его часто, — он был стажером и летал с отцом.

— Знакомься, — говорит отец.

Лейтенант протянул мне руку:

— Привет.

В меру своих сил, я пожал ладонь в ответ:

— Здравствуйте.

Вопросительно смотрю на отца, мол, это кто?

А он в ответ:

— Это Билыч. Билыч теперь отвечает за тебя головой.

В тот момент я чуть не расплакался. Стою перед ними, сдерживаю слезы:

— Папа... — говорю, — а собака...?

Отец меня не понял.

— Какая собака?

— Ну собаааааа... — тяну я, — лабрадоор...

Но Билыч оказался гораздо лучше собаки. Когда отец уходил на полеты, Билыч со мной играл. За это ему ставили хорошие отметки по летной подготовке.

Позже Билыч рассказал, что солдатик, который мне оставили бичи, действительно американский.

За несколько лет до того, как мы с отцом прилетели в Серышево, в нашем общежитии го-стили летчики из Соединенных Штатов, — с дружеским визитом. Они-то и подарили пацанам игрушки. Специально для них тогда был отремонтирован первый этаж. Второй — на время их визита наглухо закрыли, а жителей выселили. Чтобы не позориться.

На мой вопрос о том, как же все-таки зовут мою няньку, папа отвечал неоднозначно:

— Он лейтенант. Кто ж лейтенанта называет по имени? Так его и зовут — лейтенант Билыч.

Маэстро

ОБРАТНО В КАНСК мы должны были лететь через Читу.

Причина такой промежуточной остановки, как мне рассказали летчики, была в том, что ветер всегда дует с запада на восток. Получалось, что с Белой, нашего аэродрома подскока, до Серышево без дозаправки долететь было можно. А обратно с Серышево в Белую — не хватило бы топлива, — из-за сильного встречного ветра.

Но улететь мы не могли долго. Чита не давала «добро» на посадку. Каждый день мы отправляли заявку, но ответ приходил отрицательный: «Топлива нет. Заправить не сможем».

Когда терпение экипажа подошло к концу, начали искать обходные пути. В какой-то момент командир подошел к отцу:

— Может, в Братск?

Отец, сидя над картой, считал расстояние. Получалось, что до Братска или Белой — разницы не было. Но Братск был севернее и ветер дул бы не в лоб, а в бок. По идее, топлива должно было хватить.

В Братск лететь мы не рискнули, отец отказался:

— Трасса там плохая. Полдороги над тайгой... Случись что, нас потом не найдут. А если найдут, то посадят. На борту же дети...

«Добра» от Читы мы ждали вторую неделю.

Помню, когда дождались, радовались невестно. Впопыхах, чтобы не дай бог вылет не отменили, собрали все вещи и с сумками наперевес побежали к самолету. Так же впопыхах взлетели.

То был мой тридцать восьмой вылет. Но оказался он не самым удачным.

Сразу после взлета по радиосвязи отец сообщил:

— Командир, ГИК не работает.

ГИК — гидроиндукционный компас, — как рассказывал мне папа, был единственным прибором, определяющим курс. Без него узнать направление полета можно было только по наземным ориентирам.

Оба пилота, как один, сняли наушники:

— И чего?

— Да ничего. Садиться надо.

Но посадка вполне могла означать, что в Серышево нам придется зависнуть еще на неопределенный срок. Возвращаться в эту дыру никто не хотел.

Командир посмотрел сквозь стекло — погода была «миллион на миллион». Слева пролегла граница с Китаем. Внизу — железная дорога. По ней можно было долететь до города Букачача. А оттуда до Читы — рукой подать.

— Ну что, остальные приборы вроде работают... Полетим?

— Не знаю, — сказал отец, — землю видно, главное, теперь в Китай не улететь.

Половину пути мы летели отлично. Но перед самой Читой небо затянуло. За окнами — сплошное молоко.

Отец до сих пор вспоминает ту картину. Весь экипаж повернулся к нему, командир спросил:

— Куда...? Рукой покажи — куда?

О том, что происходило во время того полета в кабине, я, конечно, не знал. В моей памяти застыло два момента. Первый, — когда папа внезапно выбежал в салон и увел меня в хвост самолета. Очень серьезно посмотрел и почти прокричал:

— Не вздумай высовываться!

Второй, — уже на земле, когда мы приземлились.

Обиженный на отца, я плелся позади всех, пиная гравий. Экипаж что-то бурно обсуждал:

— Вот это я понимаю... Высший класс!

— Настоящий маэстро!

— Ладно... Только не говори никому...

В какой-то момент я поднял глаза на отца. Летная куртка у него была насквозь мокрая.

Михаил СТОЯНОВСКИЙ

Подсказано жизнью

«ЖДАТЬ ДОБРА. (Незавершённый цикл рассказов)» — эта работа была представлена как дипломная А. С. Тагировым на итоговой государственной аттестации 2013 года в Литератур-

ном институте им. А. М. Горького. «Незавершённый цикл» состоит из 18 рассказов и предвещающей их автобиографии.

Автобиографические страницы в «свёрнутом» виде обозначают сюжет всего цикла, который повествует — «внешней» своей стороной — о детстве автора, но сам цикл разворачивает перед читателем панораму жизни людей в нелёгкое для нашей страны время, 90-е годы.

Проза Тагирова сочетает публицистичность, документальность (повествование дополняется фоторядом) и художественность: органичны и детский взгляд на события и сторонний, «взрослый», отстоящий во времени и опыте комментарий.

В рассказах Тагирова есть своя интрига, привлекающая внимание к вроде бы частному детскому опыту: одна сторона его — это лётные приключения шестилетнего мальчишки, взятого отцом на борт военного транспортного самолёта и скитающегося в командировках по от-

дельным гарнизонам, другая сторона — страна и люди, переживающие катаклизм, выживающие в абсурде развала. Изображаемое вызывает и смех и слёзы, чего стоит эпизод рассказа «Зубр»: «Каждый понедельник начинался с того, что в квартиру стучался замполит и предлагал отцу ответить на некоторые вопросы: — Кому вы будете присягать?..» — или «финансовые» истории в рассказах «Обмен», «32 килограмма»...

Язык прозы А. С. Тагирова сдержан, даже скуп, но от этого динамичен и вполне соответствует жанру и задачам: запечатлеть в коротком рассказе-кадре эпоху «в факте».

Настораживает дно: такое письмо многим обязано непосредственному жизненному опыту, хватит ли такого опыта для большой прозы, которая предполагает синтетический материал, жизнь и вымысел, диалог разных «я»? Надеюсь, что Тагиров справится с этими задачами художника, ведь его «старт» в литературу видится вполне успешным.